
МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

М. Д. Веслополова¹

Иркутский Государственный Университет

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИСТОРИОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 1850-70-Х ГГ.

В статье рассматриваются некоторые положения историсофской концепции Ф.И. Тютчева, связанные с проблемой свободы. В результате анализа стихотворений о политике в Европе и России выявлена основная антитеза «Папа римский – Христос», также важным для понимания концепции оказывается противопоставление ложной и истинной веры, светской и духовной власти, рабства и свободы. Сделан вывод о том, что свобода в историсофской лирике Тютчева всегда связана с духовностью, с верой.

Ключевые слова: историсофская лирика, свобода, ответственность, Папа римский, Христос.

M. D. Veslopolova

Irkutsk State University

PROBLEM OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN F. TYUTCHEV'S HISTORIOSOPHICAL POEMS OF 1850-70S

The article studies a few points of Tyutchev's historiosophical concept related to the problem of freedom. The author analyzed the poems about politics in Europe and Russia and found the opposition "Pope – Christ" and oppositions of false and true Christian doctrine, secular and religious authority, slavery and freedom. The author concluded that freedom in Tyutchev's historiosophical lyric poetry is always connected with faith.

Keywords: historiosophical poems, freedom, responsibility, Pope, Christ.

В творчестве Ф.И. Тютчева слово «свобода» не является одним из самых частотных (как, например, в творчестве А.С. Пушкина), однако в некоторых его стихотворениях все же ставится проблема свободы. В историсофии Тютчева она связана с представлениями поэта о двух мировых христианских державах, Западной и Восточной, которые идейно противоположны друг другу: каждая из них претендует на звание истинной христианской империи. К разрыву

¹ Мария Дмитриевна Веслополова, аспирант кафедры филологии и методики педагогического института Иркутского государственного университета (ИГУ, Иркутск)

между Западной и Восточной церковью в 1054 г., согласно воззрениям Тютчева, привело «преувеличение размеров и характера власти римского первосвященника» [Тютчев, 2003, Т. III, с. 295], а также искажение принципов христианства в угоду деспотизма Папы. Истинное же христианство сохранилось в Восточной церкви, в Византийской империи: «смысл понятия «империи», ее законность или незаконность (узурпаторские претензии) связаны у поэта с Истиной христианского вероучения и неискаженного предания Вселенской Церкви (как особых фундаментальных источников права и правосознания) или отступлением от них» [Тарасов, 2003].

Религия Западной церкви, возглавляемой Папой римским, представляется Тютчеву ложной, отнимающей духовную свободу у европейских народов. Мотив потери свободы впервые появляется в стихотворении Тютчева «Венеция» (датируется началом 50-х г. XIX в.). Образ свободной республики в начале стихотворения воссоздается через указание на традицию венецианских дождей «обручаться» с морем: «Дождь Венеции свободной / Средь лазоревых зыбей –/ Как жених порфирородный, / Достославно, всенародно / Обручался ежегодно / С Адриатикой своей...» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 12]. Стихотворение содержит также отсылку к покровителю Венеции, евангелисту святому Марку, чей символ – Крылатый лев – изображен на гербе Венеции. Крылатый лев символизирует независимость Венеции от духовной власти Рима [Норвич, 2009, с. 43]. Заканчивается стихотворение образом «волн забвенья», в которых много «брошенных колец» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 12]. Слово «брошенный» в данном стихе имеет двойную семантику: «брошенные кольца» – атрибут ритуала (это кольца, которые правители Венеции бросали в воду в знак истинного и вечного владычества), вечного торжества Венеции в водах Адриатики), но это и оставленный, забытый символ свободы. В конце концов этот символ свободы трансформируется в символ рабства: «Эти кольца обрученья, / Эти кольца стали звенья / Тяжкой цепи наконец!...» [Там же].

Но если в «Венеции» деспот, который держит эту цепь, еще не назван напрямую, то в другом стихотворении с тем же мотивом потерянной европейским народом духовной свободы (стихотворение «Гус на костре», 15-17 марта 1870 г.) – изображен в качестве такого деспота Папа Римский. Папа в этом тексте – римский иерарх, «в своей / Непогрешимости греховной» пришедший посмотреть, как погибает на костре Ян Гус, чешский проповедник, «римской лжи суровый обличитель», выступивший «За правду божью, за ее свободу, / За все, за все, что бредом назвал Рим» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 216]. Политическая и духовная зависимость чешского народа от Рима, как и в стихотворении «Венеция», воплощается в образе тяжелой цепи. Так поэт призывает чешский народ: «И цепь порвав с юродствующим Римом, / Гнетущую тебя уже давно, / На Гусовом костре неугасимом /

Расплавь ее последнее звено» [Там же]. Здесь Папа – тиран, оскорбляющий «правду божью», лишаящий ее свободы. Таким образом, главное преступление католической церкви во главе с папой – это искажение принципов христианства ради политической и духовной власти в Европе.

Отсюда вытекает и идея ответственности, которая понимается как обязанность отвечать за последствия своих действий перед людьми, которых эти действия касаются. Институт папства много веков искажает «правду божью», а пострадавшими оказываются народы, живущие во лжи. Эта идея лежит в основе стихотворения «Ватиканская годовщина», написанного по поводу провозглашенного в 1870 г. декрета о непогрешимости Папы, который подменил авторитет святой Церкви собственным авторитетом, тем самым, по мнению Тютчева, упразднил разницу между божественным и человеческим. В стихотворении Папа назван «новым бого-человеком», который «богохульно-добродушно» провозгласил себя «божеством», «ватиканским далай-ламой» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 232]. За грехи Папы римского страдает не только он сам, но и целые народы, много веков живущие под властью Рима, которые «В испуге ищут *правду Божью*», но она отравлена «тысячелетней ложью» Папы [Там же].

В двух других стихотворениях – «Eusclicia» (21 дек. 1864 г.) и «Свершается заслуженная кара...» (27 окт. 1867 г.) – поэт говорит и о неизбежном наказании за грехи Папы, которое исходит от Бога. Символом несправедливой власти Рима становится головной убор, папская тиара, которая «купается в крови» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 185].

Таким образом, в историософии Тютчева свобода и ответственность – это проблема, которая рассматривается на уровне государств и народов, лишенных духовной свободы, обманутых, потерявших «правду божью». Папа и вся Западная Церковь несут ответственность перед людьми и Богом за «тысячелетнюю ложь».

То же понимание свободы и ответственности свойственно Тютчеву в рассуждениях о значении и задачах Восточной Церкви и Восточной христианской империи, в которую должна превратиться Россия. Одна из таких задач – спасение народов, потерявших «правду божью», объединение их под духовной властью православного императора. Так, в стихотворении «Нет, кардик мой! трус беспримерный!» поэт говорит о «всемирной судьбе России» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 16], о ее призванье, которое связано с «Венцом и скиптром Византии» [Там же]. Нужно сразу оговориться, что поэт имеет в виду не политическое завоевание территорий, когда-то принадлежавших Византии, а прежде всего построении духовной империи, сохранившей истинное христианство: «речь здесь должна идти не о влиянии немецкой школы, не о панславизме, не о завоевании Константинополя, а о духовной географии» [Тарасов, 2003].

Исключительное значение приобретает для Тютчева Восточный вопрос: освобождение исконно православных народов от турецкого владычества. На протяжении двух десятилетий в творчестве поэта появляются стихотворения, отражающие его реакцию на события, происходящие на Востоке. Из них видно, что эти события в представлении поэта находятся в сфере прямой ответственности мыслимой поэтом русской православной империи. Так, ожидая, что Россия окажет помощь восставшим против турецкого владычества грекам на о. Крит (1866) и разочаровавшись, когда этого не происходит, Тютчев пишет стихотворение «Ты долго ль будешь за туманом...»: «Ты долго ль будешь за туманом / Скрываться, Русская звезда, / Или оптическим обманом / Ты обличишься навсегда?» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 168]. В основе композиции стихотворения – антитеза «звезда – метеор», где звезда – это символ «всемирной судьбы России» как чего-то постоянного, свет, который должен рассеять мрак, счастливая звезда, которая предсказывает великое будущее, в противоположность ей – «пустой и ложный метеор» [Там же], кратковременное явление, лучи которого рассыпаются, и мрак делается гуще. Для Тютчева великая судьба России – это не только повод для гордости, но и большая ответственность. Россия, отказываясь поддержать греков в их борьбе, отказывается от воплощения своей судьбы, не выполняет свои исторические обязанности, и поэт призывает: «Проснись – теперь иль никогда» [Там же]. В письме к жене по поводу тех же событий Тютчев пишет: «Наше поведение в этом деле самое жалкое. Иногда преступно и всегда бесчестно быть настолько ниже своей задачи» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 533].

Однако в России конца 1850-х – начала 1860-х гг. вопрос о свободе народов остро стоял во внутренней политике. Русский народ – носитель истинной веры, живущий в стране, чья судьба – построение нового мира на началах любви и христианского братства, – сам находится в рабстве. В стихотворении «Над этой темною толпой...» (15 августа 1857 г.) содержатся мысли о предстоящей крестьянской реформе [Тютчев, 2003, Т. II, с. 434]. Тема освобождения крестьян от крепостной зависимости для Тютчева не новая для литературного осмысления. Ее претексты – известные стихотворения Пушкина: ода «Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня», «Свободы сеятель пустынный», смысл которых актуализируется готовящейся реформой. Само написание слова «Свобода» с заглавной буквы в стихотворении «Над этой темною толпой...» может быть связано со стихом из пушкинской оды «Вольность»: «Хочу воспеть Свободу миру...» [Пушкин, 1996, Т. I, с. 44]. Стихотворение Тютчева и «Свободы сеятель пустынный» Пушкина написаны одинаковым размером: четырехстопным ямбом, а также содержат одинаковую рифму: «народа» – «свобода» у Тютчева, «народы» – «свободы» в пушкинском тексте.

Первые шесть стихов тютчевского текста содержат и другие – текстуальные и образные (*выделим их курсивом* – М.В.) – совпадения со стихотворениями Пушкина:

Над этой *темною толпой*
Непробужденного народа
 [(«Над этой темною толпой...») Тютчев, 2003, Т. III, с. 83]

Взойдешь ли ты когда, Свобода?
Блеснет ли луч твой золотой?
 [(«Над этой темною толпой...») Там же]

Блеснет твой луч, и оживит,
 И *сон* разгонит и туманы
 («Над этой темною толпой...») [Там же]

Паситесь, мирные *народы!*
 Вас *не разбудит* чести клич.
 К чему стадам дары *свободы?*
 [(«Свободы сеятель пустынный...») Пушкин, 1996, Т. I, с. 215]

Роптанию не внимать *толпы непросвещенной*
 [(«Деревня») Там же, с. 81]

И над отечеством *свободы* просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря? [(«Деревня») Там же, с. 82]

Товарищ, верь: *взойдет* она,
 Звезда пленительного счастья,
 Россия вспрянет ото *сна* [(«К Чаадаеву») Там же, с. 68]

Тютчев использует не просто схожую лексику, но и схожие образы.

1. Образ народа, спящего, необразованного. У Пушкина его «не разбудит чести клич», у Тютчева он назван «непробужденным». Пушкинская «толпа непросвещенная» у Тютчева названа «темною толпой».

2. Образ свободы как утренней зари, звезды, солнца, которое всходит и будит народ ото сна. Герой Пушкина ожидает, когда над отечеством взойдет прекрасная заря свободы, звезда пленительного счастья. Тютчев использует тот же глагол «взойти»: и у него свобода описывается как звезда, у нее есть золотые лучи. У обоих поэтов свобода не только всходит, как солнце, но и пробуждает к действию: «Россия вспрянет ото сна» у Пушкина, у Тютчева луч Свободы «сон разгонит и туманы».

Мы видим, что в начале стихотворения Тютчева, отсылающего к целому корпусу вольнолюбивой лирики Пушкина, используются его образы. Такой тип аллюзии, которая отсылает не к одному тексту автора, а к комплексу извлеченных из его творчества значений, описан в научной литературе, в частности у А.Л. Осповата и Р.Г. Лейбова [Лейбов, 2000; Лейбов, Осповат, 2004], а также в диссертации И.Б. Непомнящего [Непомнящий, 2002]¹.

Особое значение для стихотворения «Над этой темною толпой...» приобретает «Деревня» Пушкина. Тексты имеют сходную двухчастную композицию: вторая часть обоих начинается с союза «но» и вводит проблему, которая не затрагивалась автором в первой части. Идиллической, спокойной жизни «на лоне счастья и забвенья» первой части «Деревни» резко противопоставлена вторая, в которой описывается ужасное положение крестьян. В последних четырех стихах герой предлагает решение проблемы – это «просвещенная свобода», которая прекрасной зарей взойдет над «толпой непросвещенной». «Рабство, падшее по манию царя» [Пушкин, 1996, Т. I, с. 82], о котором мечтает герой пушкинской «Деревни», – главный предмет осмысления в стихотворении Тютчева. Этот небольшой текст тоже композиционно делится на две части.

Первые четыре стиха, отсылая читателя к пушкинским строчкам, повторяют их вопросительную интонацию с помощью форм глагола будущего времени с вопросительной частицей, причем на четыре стиха приходится только два глагола: «взойдешь ли», «блеснет ли». Эти два глагола делят между собой лексическое и грамматическое значение пушкинского «Взойдет ли...». В следующих двух стихах, в отличие от предыдущих четырех, потреблено сразу три глагола, все в будущем времени: «взойдет», «оживит», «разгонит», причем вопросительная интонация сменяется утвердительной. Это убыстряет действие, сигнализируя, что проблема, поставленная в пушкинских стихах, близка к разрешению.

Во второй части стихотворения поэт вводит новую проблему, которой не было в первой части и для решения которой ответ, данный героем Пушкина, уже не подходит: грядущая реформа, освобождающая крестьян от зависимости, не сгладит всего вреда, причиненного ситуацией, в которой одни люди десятилетиями подчинялись другим. Тютчев размышляет о травмах, нанесенных личности человека рабством. Эта часть стихотворения так же, как и первая, непосредственно связана с «Деревней», однако меняется характер использования пушкинского текста.

¹ Здесь связям тютчевских стихотворений с творчеством Пушкина посвящена вся вторая глава

Так у Тютчева во второй части стихотворения – не прямое цитирование пушкинских строчек¹, а как бы «выжимка», сжатое до четырех стихов описание того, как подобная ситуация действует на души людей:

Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет...»
[Тютчев, 2003, Т. II, с. 83].

Если мы попробуем реконструировать путь, которым идет Тютчев, «развернуть» его стихи до указанных стихов Пушкина, то получится примерно следующее: «пустота» образуется в душе у крестьян, которые живут, «надежд и склонностей в душе питать не смея»; примеры «насилий и обид» – это «тягостный ярем», который «до гроба все влекут», «девы юные», цветущие для «прихоти бесчувственной злодея», «младые сыновья», вынужденные покинуть родной дом; «растленье душ», возможно, понимается Тютчевым как трансформация молодых крестьян из «товарищей трудов» своих родителей в «измученных рабов». У Пушкина мысль о таком положении дел «душу омрачает», у Тютчева она «гложет ум и в сердце ноет». Предпринятая нами реконструкция, конечно, носит гипотетический характер, однако интересно то, что обе части стихотворения Тютчева вступают в диалог только со второй частью «Деревни», совершенно игнорируя первую, идиллическую её часть. Поэт, как бы продолжая рассуждения своего предшественника с той точки, в которой тот остановился, обозначает новые грани той же проблемы, а также предлагает свое решение.

Таким образом, ситуация, описанная Пушкиным в «Деревне», приходит на ум Тютчеву, когда он размышляет об отмене крепостного права. Казалось бы, то, о чем мечтал герой Пушкина, во времена Тютчева происходит наяву, однако поэт осознает недостаточность такого решения проблемы: душевные раны, нанесенные людям крепостной зависимостью, он называет «старыми» и «гнилыми». Крестьянская реформа рассматривается им как акт, ожидавшийся с начала века, и это ожидание не прошло бесследно. Поэтому Тютчев подвергает

¹ Крепостная зависимость в пушкинской «Деревне»:

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
[Пушкин, 1996, Т. I, с. 82]

сомнению решение, которое предлагает в конце «Деревни» его предшественник: «рабство, падшее по манию царя» связано у Пушкина с идеалами Просвещения. Тютчев же уповает не на разум, а на веру: «Кто их излечит, кто прикроет?.. / Ты, риза чистая Христа...» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 83] – так заканчивается стихотворение.

Как мы видим, движение смысла в стихотворении организовано по принципу отдаления от претекстов: сначала прямые аллюзии вплоть до использования чужого слова, затем – не прямые, как бы сжатый пересказ своими словами чужого текста, а в конце – совершенно оригинальная, своя собственная идея, которая подается как итог долгих размышлений о проблеме. Сами эти размышления принадлежат не только автору данного стихотворения, но и другим людям, что подчеркивается самим принципом использования чужого слова.

С появлением «ризы чистой Христа» стихотворение как бы смыкается со всей историософской лирикой Тютчева. Настоящая свобода народа зависит не только от законов, но и от глубины веры. Крестьянскую реформу поэт считает необходимой, но предлагает рассматривать ее не только следствием разумной политики царя, но и выполнением божественных заветов. Об этом и стихотворение «Александру Второму», написанное в марте 1861 г., которое является откликом поэта на проведенную реформу:

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью –
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье – меньшую братью...
[Тютчев, 2003, Т. II, с. 108]

Царь, отмеченный божественной благодатью, превращение раба в человека, общество, описанное как семья – все это образы, трактующие проведенную реформу как божественную миссию, которую выполнил русский царь, поэтому поэт, обращаясь к царю, говорит: «Ты взял свой день...». Для историософии Тютчева важно, что не сам царь выбирает себя на роль Освободителя, он «замечен» благодатью, благая воля принадлежит Богу. В этом, кроме всего прочего, состоит коренное отличие русского царя от папы римского.

Таким образом, проблема свободы и ответственности в историософской лирике Тютчева одинаково решается в текстах о положении дел как в Европе, так и в России. Основой своей системы Тютчев делает представление об истинном и ложном христианстве. Запад и Восток, Европа и Россия противопоставлены друг другу. Символом веры в стихотворениях о России является «риза чистая

Христа», которая связана с истинным христианством, верой в «правду божью», и эта вера исцелит страну от ее ран. В стихотворениях о Европе символом искаженного христианства является «папская тиара», которая «купается в крови» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 183]. Папа римский, «лженаместник Христа», «мечом земным владевший столько лет» [Тютчев, 2003, Т. II, с. 132], оказывается противопоставлен не русскому царю, а самому Христу, «царю небесному», который, как мы помним из другого известного стихотворения Тютчева, «исходил, благословляя», всю русскую землю [Тютчев, 2003, Т. II, с. 71]. Противопоставление небесного, божественного и земного, искаженного – основное в историософской системе Тютчева, из него выводится и идея свободы, которая всегда связана с духовностью, с верой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лейбов, Р.Г. Лирический фрагмент Тютчева: жанр и контекст / Р.Г. Лейбов. – [Электронный ресурс]. – Тарту, 2000. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html> (11.04.2019).

Лейбов, Р.Г. Чужое слово у Тютчева. Заметки к теме (I) / Р. Лейбов, А.Л. Осповат // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. – [Электронный ресурс]. – Тарту, 2004. – С. 367-380. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/535733.html#T0> (11.04.2019).

Непомнящий, И.Б. Несобранный цикл Ф.И. Тютчева и проблема контекста: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / И. Б. Непомнящий. – Владимир, 2002. – 271 с.

Норвич, Дж. История Венецианской республики / Дж. Норвич. – Москва: АСТ, 2009. – 896 с.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. 1813–1824 / Примеч. Д. Благого, Т. Цяловской / А.С. Пушкин. – Москва: TERRA, 1996. – 774 с.

Тарасов, Б.Н. «Русская география». Христианская историософия Тютчева / Б.Н. Тарасов // Наше наследие. – [Электронный ресурс]. – 2003. – № 67–68. – URL: <http://www.nasledierus.ru/podshivka/6807.php> (11.04.2019).

Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. Т. 2 / Сост. Б.Н. Тарасов / Ф.И. Тютчев. – Москва: Издательский Центр «Классика», 2003. – 640 с.

Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. Т. 3 / Сост. Б. Н. Тарасов / Ф.И. Тютчев. – Москва: Издательский Центр «Классика», 2003. – 528 с.

REFERENCES:

Leibov, R. G. Liricheskiy fragment Tyutcheva: zhanr i kontekst / R. G. Leibov. – [Elektronnii resurs]. – Tartu, 2000. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533836.html> (11.04.2019).

Leibov, R. G. Chuzhoe slovo u Tyutcheva. Zametki k teme (I) / R.G. Leibov, A.L. Ospovat // Pushkinskie chteniya v Tartu 3: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 220-letiyu V. A. Zhukovskogo i 200-letiyu F. I. Tyutcheva / Red. L. Kiseleva. – [Elektronnii resurs] – Tartu, 2004. – S. 367-380. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/535733.html#T0> (11.04.2019).

Nepomnyashchii, I. B. Nesobrannyy tsikl F. I. Tyutcheva i problema konteksta: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. / I. B. Nepomnyashchii. – Vladimir, 2002. – 271 s.

Norvich, Dzh. Istoriya Venetsianskoi respubliki / Dzh. Norvich. – Moskva: AST, 2009. – 896 s.

Pushkin, A. S. Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 1: Stikhotvoreniya. 1813–1824 / Primech. D. Blagogo, T. Tsyalovskoi / A. S. Pushkin. – Moskva: TERRA, 1996. – 774 s.

Tarasov, B. N. «Russkaya geografiya». Khristianskaya istoriosofiya Tyutcheva / B.N. Tarasov // Nashe nasledie. – [Elektronnii resurs]/ – 2003. – № 67–68. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6807.php> (11.04.2019).

Tyutchev, F. I. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6i t. T. 2 / Sost. B. N. Tarasov / F.I. Tyutchev. – Moskva: Izdatelskii Centr «Klassika», 2003. – 640 s.

Tyutchev, F. I. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6 t. T. 3 / Sost. B. N. Tarasov / F.I. Tyutchev. – Moskva: Izdatelskii Centr «Klassika», 2003. – 528 s.